

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В США И КЛИОМЕТРИКА: контрафактическая история Р. Рэнсома

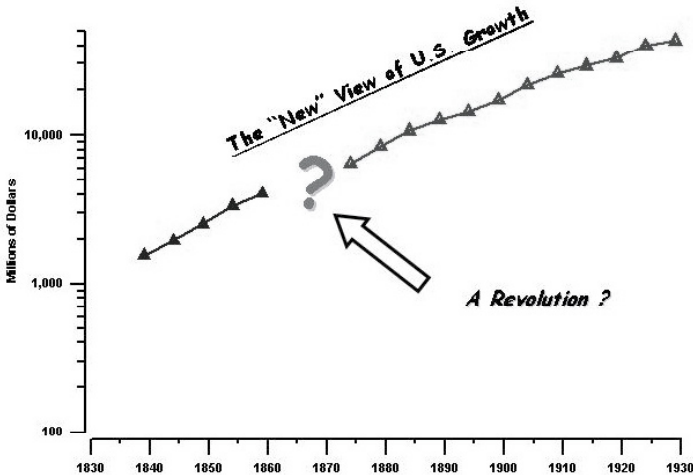
В развитии контрафактического моделирования как метода историков-клиометриков США четко прослеживаются две волны. Первая связана с революционными работами Роберта Фогеля, посвященными влиянию строительства железных дорог на экономический рост Соединенных Штатов второй половины XIX в.¹ Вторая поднялась несколько лет назад в связи с работами Роджера Л. Рэнсома (University of California), посвященными Гражданской войне между Севером и Югом. О высоком интересе современных историков-клиометриков к идеям Р. Рэнсома свидетельствует его пленарный доклад на ежегодной конференции Economic History Association в Торонто в сентябре 2005 г. В своем выступлении американский историк, президент Ассоциации историков-экономистов, рассказал, как он пришел к своим парадоксальным выводам*.

«Когда я в 1959 г. поступил в University of Washington учиться экономике, — вспоминает Роджер Рэнсом, — доминирующей парадигмой, объясняющей причины и последствия Гражданской войны 1861–1865 гг. являлась парадигма, выдвинутая Чарльзом и Мери Бирд в опубликованной в 1927 г. книге «Расцвет американской цивилизации»². Их идеи были впоследствии доработаны Луисом Хакером в монографии «Триумф американского капитализма», изданной в 1940 г.»³.

«Тезис Хакера-Бирдов» заключался в том, что резкое ускорение роста ВВП, наблюдаемое в течение и после Гражданской войны, являлось непосредственным результатом изменений, вызванных победой северян в войне. Хакер и Бирд назвали это ускорение «Второй американской революцией». К концу 1950-х гг. все больше и больше статистических сведений, собранных клиометриками — сторонниками формирующейся школы New Economic History, подтверждало предположение Бирдов о существенном подъеме американской экономики в течение трех десятилетий после 1870 г.

* Изложение этого доклада дано в статье: Ransom Roger L. War and Cliometrics: Adventures in Economic History // Journal of Economic History. 2006. № 2. P. 271–282.

Но можно ли к этому относиться как к «революции»? Бирды и Хакер отмечали ускорение экономического роста во время войны. Однако новые оценки темпов роста товарной продукции и ВВП, разработанные в 1960 г. Робертом Гэллманом⁴, резких изменений в темпах роста не отражали (рис.). В данных Гэллмана не оказалось ничего, что могло бы подтвердить наличие «революционных» изменений в темпах роста в период между довоенными и послевоенными годами, как полагали Хакер и Бирды.

Экономический рост в США 1830–1930-х гг.

В 1960 г. школа New Economic History, с позиций которой выступал Р. Гэллман, была еще на стадии младенчества. Однако критические выводы Гэллмана быстро завоевали популярность. Так, историк Томас Кочран⁵ не только согласился с выкладками Гэллмана, но и указал на то, что темпы роста производства, вероятно, в 1860-е гг. даже *снизились*. «Редко великая историческая парадигма погибала так быстро», — пишет Р. Рэнсом. Спустя несколько лет другой выдающийся американский историк-экономист, Стэнли Энгерман, нанес «тезису Хакера-Бирдов» *coup de grace* (завершающий смертельный удар). Он сделал вывод⁶, что сдержанное отношение к привычной интерпретации является весьма оправданным. Так зародилась новая парадигма: Гражданская война между Севером и Югом вовсе *не являлась* социальной или экономической «революцией».

«Несмотря на то, что я упивался этим интеллектуальным триумфом чисел над импрессионистскими интерпретациями, мне до сих пор помнится тяжелое чувство, которое я испытывал в связи с той непринужденностью, с которой война, унесшая жизнь 625 тыс. чел. и миллионы долларов, могла быть вычеркнута из объяснения экономического роста», — вспоминает Р. Рэнсом свою реакцию на работы клиометриков 1960-х гг. «Большинство моих коллег, называвших себя к этому времени “клиометриками”... не испытывали никакой растерянности. Войны, по их мнению, являлись экзогенными событиями, которые “просто случались”. Поэтому исследование войны не входило в область экономической истории».

Когда Р. Рэнсом начал с 1984 г. преподавать на историческом отделении Калифорнийского университета, его преподавательская нагрузка включала и курс по Гражданской войне в США. «В это время я встретился с громадной проблемой, — пишет он. — Я перенял взгляд клиометриков на войну как на бессмысленное событие — по крайней мере, с точки зрения экономического роста. Как экономический историк, я мог беспечно игнорировать войну, указывая на то, что результаты борьбы не затрагивали результат экономической модели... Но вскоре я понял, что остался без какого-либо объяснения того, почему же в 1861 г. начался военный конфликт». В поисках объяснения смысла и причин Гражданской войны Рэнсом начал разрабатывать новый подход к ее экономическому анализу. Эти поиски стали центральной частью его исследований в течение следующих двух десятилетий.

Сначала он вернулся к доводам Бирдов о причинах Гражданской войны, выдвинутых более чем полувеком ранее. Отклоняя понятие «Второй революции» и ссылаясь на данные о росте ВВП, критики-клиометрики в значительной степени игнорировали аргумент Бирдов о том, что война была «непримиримым конфликтом» между конкурирующими экономическими системами. Как ни странно, те же самые данные, которые критики использовали, чтобы подорвать довод о влиянии войны на экономический рост после 1860 г., могли также быть использованы, чтобы поддержать теорию, утверждавшую, что частные конфликты между Севером и Югом, которые, в конце концов, привели к войне, были основаны именно на экономических изменениях.

В 1980-е гг. группа специалистов по социальной и политической истории сформулировала новое представление о причинах войны, которое включало многие идеи, выдвинутых Бирдами. В основе этого пересмотра лежала концепция «рыночной революции» (market revolution). Речь идет о совокупности экономических, демографических и социальных изменений, которые пронесли по северным штатам за четверть столетия до Гражданской войны.

В это же время Ричард Сатч и Роджер Рэнсом проанализировали последствия того, что в их работах названо «сменой образа жизни» (life cycle transition) в северных штатах. Они утверждали, что это явление создало принципиально разные модели политической экономии в северных и южных штатах. «Гражданская война была в действительности *двумя* революциями, — писали они. — Южане начали свою революцию — точнее, *контр*революцию — в попытке освободиться от политических союзов с Севером. Жители же Севера боролись, чтобы защитить революционный процесс, преобразовавший их общество в рыночное индустриальное общество»⁷.

Открытие «революционного дуализма» заставило Р. Рэнсома вспомнить о сомнениях, которые мучили его четверть века ранее, когда критики так легко ниспровергли «тезис Хакера-Бирдов». К середине 1990-х он начал понимать, что критики Бирдов нашли правильный ответ на неправильный контрафактический вопрос.

Они показали, *что бы случилось, если бы не было никакой войны*. Ответ на этот вопрос таков: «северная» модель капитализма стала бы преобладающей — как оно и произошло после победы Севера в войне. Но ведь это и есть ровно то, на что указывали Бирды, заметив, что «основные экономические результаты Второй американской революции... были бы достигнуты, даже если бы не было никакого вооруженного столкновения...»⁸. Это и есть именно тот результат, которого южане опасались в 1860 г. Как отмечает Джеймс МакФэрсон, «раскол являлся превентивной контрреволюцией, чтобы не позволить ультра-республиканской революции охватить Юг»⁹.

Более интересным контрафактическим вопросом был бы следующий: *что бы случилось, если б Юг преуспел в создании независимой Конфедерации?*

Таким образом, пишет Р. Рэнсом, в 1998 г. началось «мое большое приключение в контрафактической истории. Я решил написать книгу, детально описывающую контрафактическую историю, если бы Юг выиграл Гражданскую войну! Я назвал ее «Конфедеративные штаты Америки: Что могло бы быть»¹⁰».

Для клиометриков контрафактическая история есть своеобразное упражнение в применении экономической теории к истории: вы изменяете некоторый параметр в экономической модели и проследживаете, как это отразится на последующих событиях. Историки применяют несколько другой подход. То, что большинство из них называют «альтернативной историей», является в значительной степени упражнением для *воображения*. Они берут какое-либо значительное историческое событие и представляют, «что если бы» у этого события был другой финал. После этого они, используя собственное воображение, описывают «альтернативный мир», который включает в себя последствия контрафактического изменения. Но при этом в глубине души историки постоянно помнят, что контрафактическая история не является «реальной» историей. Поскольку контрафактические события, придуманные ими, не происходили в действительности, нет никакой необходимости серьезно относиться к контрафактическим сценариям серьезно. Как сказал британский историк И.Х. Карр, «история — это совокупность того, что люди совершили, а не того, что они оказались не в состоянии совершить»¹¹. В результате, хотя многие историки используют контрафактические рассуждения, однако они обычно сводят их к случайным «пометкам на полях».

Общей особенностью работ тех авторов, которые действительно серьезно относятся к контрафактической истории, является то, что их повествование имеет тенденцию быть в значительной степени ограниченным. Так, например, военные историки любят размышлять над возможным контрафактическим результатом сражений, но они редко подробно исследуют эту проблему. Более значимый аспект проблемы, а именно, какое влияние измененное событие оказывает на последующую историю, затрагивается ими весьма бегло¹² — если только затрагивается вообще. Клиометрики с большим энтузиазмом относятся к идее включить контрафактические вопросы в свои экономи-

ческие модели, чтобы «предсказать прошлое» при измененных обстоятельствах. Однако при этом они обычно отказываются выйти за пределы узких границ собственных моделей.

«Проблема любого автора контрафактической истории, — описывает Р. Рэнсом свои методологические трудности, — заключается в том, что некоторый ключевой элемент истории должен быть *воображаемым*. Это означает, что вы никогда не сможете доказать или опровергнуть какой-либо контрафактический сценарий. Вы можете только утверждать, что один сценарий “лучше” другого».

В своих работах Р. Рэнсом приводит следующий полушутливый рецепт для написания контрафактической истории:

«Состав: две части исторического правдоподобия на одну часть здравого смысла и одну часть воображения. Перемешивайте ингредиенты до тех пор, пока они не превратятся в однородную массу. Если структура кажется неоднородной, попробуйте добавить еще немного здравого смысла. Если продукт покажется вам серым и скучным, добавьте побольше воображения. Аккуратно вылейте ингредиенты в сосуд в форме четкого исторического контекста. Подавайте на стол с большой дозой скептицизма и помните, что в получившемся продукте нет доказательства! *Von Appetit!*».

Серьезно говоря, Р. Рэнсом предостерегает против чрезмерного фантазирования. Среди факторов, регулирующих исторический процесс, есть много таких, которые остаются неизменными.

Для иллюстрации можно рассмотреть анализ Джеффри Паркером последствий того, что могло бы быть, если бы испанская Великая Армада в 1588 г. победила в сражении с англичанами. Обычным предположением при анализе этого исторического сюжета является то, что испанцы бы завоевали Англию. Но Д. Паркер указывает на то, что успех испанской армии несколько не изменил бы общую неэффективность администрации испанского короля Филиппа II. «Завоевание Англии никаким образом бы не улучшило [правление] династии Габсбургов. Это событие просто создало бы еще больший потенциал потерь для Филиппа III и его преемников»¹³. «Контрафакты второго порядка» (*second order counterfactuals*), как их называет Д. Паркер, в данном случае предполагают, что пос-

ледствия испанского завоевания привели бы к незначительным изменениям в историческом процессе.

Идея Паркера о том, что некоторые явления остаются неизменными, является очень полезной для понимания того, каким образом клиометрики могут внести свой вклад в контрафактический анализ. Экономические модели помогают создавать очень полезные «контрафакты второго порядка». Р. Рэнсом иллюстрирует это, объясняя, как он разрабатывал контрафактическую модель мира, в котором Юг победил в Гражданской войне.

Одной из первых задач являлось создание контрафактического сценария, в котором Юг побеждает в войне. «Переиграв» несколько сражений Гражданской войны, Р. Рэнсом получил ситуацию, при которой Линкольн бы неминуемо проиграл выборы 1864 г., после чего Север согласился на прекращение борьбы.

На этом пункте историки, размышлявшие о возможной победе южан, обычно и заканчивали свое повествование. Единственной существенной научной работой, автор которой анализировал не только Гражданскую войну, но и послевоенный мир после гипотетической победы южан, является книга «Если бы Юг выиграл Гражданскую войну», написанная историком МакКинлем Кантором в 1960 г. в честь столетия войны¹⁴. Ее содержание соответствовало теме примирения, акцентируемой во время столетнего юбилея конфликта. Согласно Кантору, две страны — Соединенные Штаты Америки (США) и Конфедеративные Штаты Америки (КША) — были союзниками в двух мировых войнах и находились на грани воссоединения в 1960-е гг.

Книга Кантора, полагает Р. Рэнсом, — это пример контрафактической истории, где воображение оказывается не в состоянии справиться с контрафактами второго порядка. М. Кантор полностью игнорировал экономические проблемы, стоящие перед независимой Конфедерацией. Независимо от результата войны, Конфедеративные Штаты Америки все равно были бы страной с сельскохозяйственной экономикой, зависящей от зерновых культур и особенно от хлопка. Как только бы смягчились эффекты «хлопкового голода», вызванного военной блокадой южных штатов, мировой хлопковый рынок все равно бы подвергся застою, как это и произошло в реальной истории в конце XIX в. Таким образом, несмотря на большие надежды сторонников конфеде-

рации, их экономическое будущее было бы довольно мрачным. Экономика виртуальных независимых Конфедеративных Штатов Америки сильно походила бы на экономику реального послевоенного побежденного Юга, которая уже являлась объектом многих клиометрических исследований¹⁵.

Так в чем же значимость Гражданской войны?

Чтобы ответить на этот вопрос, полагает Р. Рэнсом, нужно выйти за пределы чисто экономического анализа и взглянуть на то влияние, которое оказала бы независимость Конфедеративных Штатов Америки на политическое и социально-экономическое развитие западной цивилизации. Здесь контрафакты второго порядка являются менее ограничительными. В 1861 г. Линкольн заявил, что борьба за Союз касается судьбы не только Соединенных Штатов, но и всего человечества. Это была, утверждал он, борьба «не только за сегодняшний день», но и «за будущее». Моделирование положения Соединенных Штатов Америки после победы южан дает объяснение тому, почему призыв Линкольна был актуальным. Ведь северные США оказались бы зажаты между Конфедеративными Штатами Америки с юга и недружественной Британской Канадой с севера. Последствия этого вряд ли были бы благоприятными.

Р. Рэнсом заканчивает свой контрфактический сценарий Первой мировой войной, во время которой США и Конфедеративные Штаты Америки оказались на противоположных сторонах — не союзниками, а врагами. «Одной из моих целей, — пишет он, — было заставить читателей по-новому взглянуть на значение американской Гражданской войны, и я думаю, что мне это удалось. Мир выглядел бы совсем иначе в 1914 г., если бы Юг победил в 1860-е гг., и большинство изменений были бы не к лучшему».

Примечания

¹ Fogel R. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. John Hopkins University Press, 1964. См. изложение ее основных идей: Латов Ю.В. Интеллектуальная одиссея «одессита» Роберта Фогеля // Историко-экономические исследования. 2004. № 1–2.

² Beard Ch., Beard M. The Rise of American Civilization. N.Y.: Macmillan, 1927.

³ Hacker L. The Triumph of American Capitalism: The Development of Forces in American History to the End of the Nineteenth Century. N.Y., Columbia University Press, 1940.

⁴ Gallman R. Commodity Output, 1839–1899 // Trends in the American Economy in the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960.

⁵ Cochran T.C. Did the Civil War Retard Industrialization? // Mississippi Valley Historical Review. 1961. Vol. 48. September.

⁶ Engerman S. The Economic Impact of the Civil War // Explorations in Entrepreneurial History. Spring 1966.

⁷ Ransom R.L., Sutch R. Conflicting Visions: The American Civil War as a Revolutionary Conflict // Research in Economic History. 2001. Vol. 20. P. 289.

⁸ Beard Ch., Beard M. The Rise of American Civilization. Vol. 2. P. 115.

⁹ McPherson J.M. Battle Cry of Freedom: The Civil War Era. N.Y.: Oxford University Press, 1988. P. 580.

¹⁰ Ransom R.L. The Confederate States of America: What Might Have Been. N.Y.: W.W. Norton, 2005.

¹¹ Carr E.H. What Is History? N.Y.: Knopf, 1961. P. 167.

¹² В качестве примера можно назвать сборник эссе различных историков по контрфактической истории, подготовленный Робертом Коули: The Collected What If?: Eminent Historians Imagining What Might Have Been. Ed. by R. Cowley. N.Y.: G.P. Putnam, 2005.

¹³ Parker G. The Repulse of the English Fire Ships // The Collected What If? P. 154.

¹⁴ Kantor M. If the South Had Won the Civil War. N.Y.: Bantam Books, 1961.

¹⁵ См. обзор некоторых работ по этой тематике: Латов Ю.В. Новая экономическая история Гражданской войны в Америке и ликвидации плантационного рабства // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 1.

М.Е. Офрхтер